

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Его жизнь и дѣятельность

(13 ноября 1810 года—13 ноября 1910 года).

Д-ра М. Казанскаго.

(Продолженіе *).

Командировка приходила къ концу и Н. И. Пироговъ уже собирался уѣзжать изъ Германіи. Министръ нар. просв. Головинъ предложилъ ему посѣтить всѣ русскіе университеты и преимущественно медицинскіе факультеты, и представить министерству результаты его осмотра. Но... послѣ событія 4 апрѣля 1866 г. Головина смѣнилъ графъ Д. Толстой и... Пироговъ былъ уволенъ отъ службы, о чемъ онъ узналъ въ Берлинѣ совершенно случайно.

Однажды, въ концѣ апрѣля, гуляя въ Берлинѣ по Тиргартену, Пироговъ встрѣтилъ королеву Прусскую, которая всегда относилась къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Скромно одѣтый, въ своемъ обычномъ костюмѣ, Пироговъ хотѣлъ избѣжать встрѣчи, но королева сама подошла къ нему и въ разговорѣ, уже зная объ увольненіи его, выразила свое возмущеніе по поводу причиненной ему несправедливости. Недоумѣвающий Пироговъ, не зная, о чемъ шла рѣчь, находился въ весьма неловкомъ положеніи...

Депеша Толстого, составленная въ рѣзкихъ выраженіяхъ, застала Николая Ивановича уже на обратномъ пути въ Россію, въ Бреславлѣ.

Въ увольнительной бумагѣ, подписанной 16 іюля 1866 г., графъ Толстой писалъ, что онъ „освобождаетъ его—Пирогова отъ возложенныхъ на него порученій, какъ по исполненію разныхъ его

* См. «Казанскій Медицинскій Журналъ» Томъ XI, 1911 г., стр. 171, 225, 299.

трудоу по учебной и педагогической части, такъ и по руководству лицъ, отправленныхъ за границу для приготовления въ званію профессоровъ и преподавателей“.

Несправедливая обида на долго осталась памятна Н. И. Пирогову и всегда такъ живо чувствовалась имъ.

Настоящей отставки Пироговъ такъ и не получилъ, числясь до самой смерти состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе онъ лишень былъ не только 3000 рубл., назначенныхъ за руководство молодыхъ лицъ профессорскаго института, но и тѣхъ 2000 рублей, которые сохраняли ему два предшествовавшихъ министра, какъ члену Главнаго правленія училищъ и чиновнику, состоящему при министерствѣ. У Н. И. Пирогова осталась лишь прежняя пенсія заслуженнаго профессора. Такое отношеніе къ Пирогову ставили въ связь съ тоскою его въ честь «здроваго смысла; снѣ теперь въ особенности всѣмъ нуженъ». Тоска эту предложень былъ Пироговымъ на обѣдѣ, устроенномъ въ честь его въ Одессѣ въ сентябрѣ 1866 г. и принять былъ гр. Д. Толстымъ на свой счетъ, о чемъ небезинтересно упоминаетъ и самъ Пироговъ въ своемъ «Дневникѣ».

Опечаленные удаленіемъ Н. И. Пирогова отъ общественной дѣятельности, друзья его старались вновь выдвинуть его. Между прочимъ, Пирогова приглашали на постъ главнаго военно-медицинскаго инспектора, но Н. И. самъ отказался отъ этого приглашенія, не желая братья за дѣло, по существу больше кашелеарское. «Замѣчу только, — пишетъ Пироговъ въ 1868 г. лейбъ-медику Кареллю, — что я человекъ не бумажный, и бумажность въ службѣ была всегда моей слабой стороною».

Испытывая въ то время Н. И. Пироговъ и матеріальныя затрудненія. «Мой годовою бюджетъ, отъ котораго я безъ риска не могу отступить ни на волосъ, очень простъ, — сообщаетъ онъ Кареллю. Я проживаю 6000 въ годъ; сыновья мои получаютъ ежегодно 2000, процентовъ за долги плачу 2400 и выплачиваю въ теченіе 5 лѣтъ капитала долгового 20.000. На доходъ-же съ имѣнья, если я самъ не буду поддерживать его практикой, я при теперешнихъ обстоятельствахъ, не могу рассчитывать нисколько».

А. А. Пирогова въ своихъ письмахъ Кареллю обращаетъ особенное вниманіе на матеріальную сторону дѣла, которая у нея замѣтно преобладала.

Возвратившись въ 1866 году въ Россію, Н. И. Пироговъ снова поселился въ своемъ имѣннѣ и по прежнему сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и особенно хирургической практикой.

Но и на этотъ разъ Пироговъ не долго остается въ своемъ уединеніи, въ деревенской глуши.—Началась въ 1870 г. война Франціи съ Пруссіей, и Н. И. Пироговъ получилъ отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ Общества попеченія о больныя и раненыя, вынѣ—Россійскаго Общества Краснаго Креста, приглашеніе отправиться за границу, на театръ военныхъ дѣйствій—осмотрѣть тамъ всѣ военно-санитарныя учрежденія, что-бы извлечь изъ этого осмотра все полезное въ отношеніи частной помощи на войнѣ и примѣнить у насъ—въ Россіи.

Н. И. Пироговъ съ величайшей готовностью принялъ на себя такое порученіе и 13 сентября 1870 г. выѣхалъ за границу.

И снова весьма важное покровительство оказала Н. И. Пирогову великая княгиня Елена Павловна, вручившая ему письмо къ королю Прусской, благодаря которому Пирогову легко удалось преодолѣть всѣ препятствія къ выполненію прямой его задачи—осмотрѣть всѣ нѣмецкія военно-санитарныя учрежденія на войнѣ.

Путешествіе Пирогова по нѣмецкимъ и французскимъ госпиталямъ и больницамъ было торжественнымъ триумфомъ для него, такъ-какъ во всѣхъ официальныхъ и медицинскихъ сферахъ олъ встрѣчалъ самый почетный и радушный приемъ. Иностранные врачи—и старые знакомые и молодые врачи Германіи и Франціи, а также и прибѣжавшіе на войну англійскіе и американскіе врачи—на перерывѣ старались обратить на себя вниманіе Пирогова. Имя его какъ бы наэлектризовывало врачей... Здѣсь, за границей, Пироговъ могъ испытывать чувство удовлетвореннаго самолюбія, какъ военно-полевой хирургъ и какъ администраторъ. Взгляды Пирогова, изложенные имъ въ его книгѣ „Начала военной полевой хирургіи“, оказалось, встрѣтили за границей сочувствіе и примѣненіе всеобщее. Такъ, его гипсовая повязка была у нѣмцевъ въ большемъ распространеніи; производство резевцій, въ цѣляхъ сохраненія почек, вытѣснило ампутаціи; планъ Пирогова разсѣванія больныя примѣнялся нѣмцами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ

*) Въ своей «Общей хирургіи» (на нѣмец. яз.) въ 1863 г. Пироговъ писалъ: «Счастливые результаты моей деревенской хирургической практикы приводятъ меня къ вопросу: нельзя-ли будетъ раненыя, послѣ битвы, какъ можно скорѣе, разсѣвать и отдѣлять. Этотъ, совершенно противоположный принятому, образъ дѣйствій, едва возможенъ въ Россіи, гдѣ война, обыкновенно, ведется на границахъ государствъ, гдѣ города и деревни разбросаны и слишкомъ удалены друга отъ друга, но для многочисленныхъ и болѣе нашего цивилизованныхъ странъ западной Европы, гдѣ самыя отдаленныя мѣстности уже имѣютъ шоссе и соединены желѣзными путями, я считаю осуществленіе моей мысли возможнымъ. Тогда должно бы было раненыя послѣ сраженія... тотчасъ же размѣщать въ близъ-лежащихъ деревняхъ и городахъ».

его взгляды на гораздо большую пользу размѣщенія больныхъ и раненыхъ не въ большихъ госпиталяхъ, а въ палаткахъ, баракахъ и т. под., также были осуществлены. Точно также введена была рекомендованная Пироговымъ еще въ Севастопольскую войну и сортировка раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ.

Прекрасные результаты широко-примѣненной нѣмцами частной помощи на войнѣ подтвердилъ и то „убѣжденіе“ Пирогова изъ опыта Крымской войны, что „къ достиженію благихъ результатовъ въ военно-полевыхъ госпиталяхъ необходимы не столько научная хирургія и врачебное искусство, сколько дѣльная и хорошо устроенная администрація. Только разумная администрація, руководимая гигиеной и медицинскою полиціей,—говоритъ Пироговъ,—можетъ бороться противъ дѣйствія заразъ и повѣтрій“, столь губительныхъ для больныхъ и раненыхъ.

Въ Германіи и Франціи Пироговъ осматрѣлъ болѣе 70 военныхъ лазаретовъ и преимущественно нѣмецкихъ, и нѣсколько тысячъ раненыхъ.

Между прочимъ, въ Страсбургѣ французскій хирургъ Герголь жаловался Пирогову, что варварство нѣмцевъ, осаждавшихъ городъ, не останавливалось предъ краснымъ крестомъ флага, выставленнаго на лазаретъ: нѣмецкія бомбы пробили крышу, потолокъ и полъ лазарета... На эту жалобу Пироговъ замѣтилъ французскому хирургу, что французскія бомбы въ Севастополь также не разбирали флаговъ на русскихъ перевязочныхъ пунктахъ

Не смотря на свой преклонный возрастъ, Пироговъ бодро совершалъ небезопасное тогда и нелегкое путешествіе по театру войны, довольствуясь то желѣзнодорожнымъ вагономъ третьяго класса, а то и одноконной крестьянской подводой. Въ Эльзасѣ и Лотарингіи частенько приходилось ему, 60-лѣтнему старику, спать втроемъ или четверомъ въ одной небольшой комнатѣ, то на полу, то на импровизированной кровати, по прежнему легко мирясь со всѣми неудобствами и проявляя свою недюжинную энергию.

Результатомъ путешествія Пирогова за границей во время франко-прусской войны явился его *„Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году“*

Много поучительнаго высказываетъ въ этомъ сочиненіи Н. И. Пироговъ.

„Нельзя было не убѣдиться, — говоритъ Пироговъ 40 лѣтъ назадъ, — и въ томъ, что дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія и артил-

лерии, въ небывалыхъ еще размѣрахъ и отдаленіяхъ, сосредоточеніе на полѣ сраженія огромныхъ массъ народнаго войска и быстрое передвиженіе этихъ массъ, дѣлають выпѣшнюю войну несравненно тягостнѣе, убійственнѣе и бѣдственнѣе прежнихъ“.

„Какъ прежде раненные, оставшіеся послѣ битвы, назывались у нашихъ старыхъ служаекъ *ломомъ* и *бракомъ*, такъ и теперь они, все тотъ-же ломъ и бракъ, лежатъ разбросанные на полѣ сраженія, пока ихъ, кое-какъ, не подвѣдутъ и не соберутъ. А быстрота и дальномѣтность выпѣшной стрѣльбы дѣлають то, что строевые валяются рядами, и скопленіе раненныхъ, въ самое короткое время, достигаетъ громадной цифры“.

„Кто видѣлъ, хоть издали, всѣ страданія этихъ жертвъ войны, то вѣрно не назоветъ, съ шовинистами, миролюбивое настроеніе націй „мѣщанскимъ счастьемъ“; шовинизмъ, вызывающій пацци на распри и погубель, достоинъ проклятія народовъ, и все человѣчество должно благословлять царей, не ищущихъ кровавой славы“ (стр. 10).

Пироговъ указываетъ, что и въ эту войну раненные сильно нуждались въ первой помощи послѣ сраженія и причину этого видить въ двухъ обстоятельствахъ: это — «вопьющій недостатокъ санитарныхъ командъ», для устранения котораго Пироговъ предлагаетъ «дѣйствовать сообща съ частной помощью и помогать ей организовывать роты носильщиковъ», и, во вторыхъ,—прусскіе военные законы, по которымъ «прусскій врачъ—прежде всего солдатъ», причисляется «къ сражающимся и идетъ вмѣстѣ съ ними въ огонь». Вслѣдствіе этого «въ сентябрѣ 1870 г. насчитывалось уже слишкомъ 40 погибшихъ въ сраженіяхъ (послѣ я,—сообщаетъ Пироговъ,—читаль уже о 100) военныхъ врачей. Но въ чемъ-же состоитъ разумъ этого закона? задается вопросомъ Пироговъ. Нуженъ-ли онъ былъ, что-бы возбудить личную храбрость во врачѣ, или напомнить ему, что онъ обязанъ идти на войну не только какъ врачъ, но и какъ пруссакъ. Но для чего же налагать на одного двойную обязанность? Отъ солдата не требуется специальныхъ знаній; для чего же требовать отъ специалиста солдатской службы? Да и отложивъ вопросъ о правахъ и справедливости въ сторону, спросимъ только: чѣмъ можетъ быть врачъ полезенъ, если онъ обязанъ идти въ огонь, какъ солдатъ, рискуя также, какъ и онъ, быть раненнымъ и убитымъ? Начало этого излишняго врачебнаго героизма ведется съ наполеоновскихъ войнъ.—Ларрей (отецъ), вѣроятно въ угоду Наполеону I, завелъ лстучіе амбулансы, назначавшіеся стремглавъ скакать въ пылу сраженія. Въ *Dictionnaire de sciences medicales* можно найти и картинку, изображающую французскихъ хирурговъ и

ихъ помощниковъ, скачущихъ, какъ пожарные, на длинныхъ дрогахъ для подачи безотлагательной помощи. Но все это хорошо только на картинкахъ»...

«Для чего-же, спрашивается, врачамъ идти въ огонь? Для чего заставлять ихъ дѣйствовать тамъ, гдѣ они не могутъ оказать никакой серьезной помощи, подвергая, между тѣмъ, жизнь раненаго и свою опасности? Развѣ врачей такъ много, что потери ихъ въ армии не ощутительны? Не прежде-ли всего нужны обученные носильщики?—Есть, правда, случаи,—вообще рѣдкіе,—гдѣ безотлагательная помощь и подъ огнемъ могла бы быть необходима,—это кровотечения изъ большихъ сосудовъ; но для радикальной помощи здѣсь «нужны операции, едва исполнимы и на перевязочныхъ пунктахъ; остановить же временно кровотечение, прижатіемъ сосуда, долженъ умѣть каждый солдатъ. Если его учатъ стрѣлять и драться, то его должны также учить и помогать себѣ. Умѣнье прижать самому себѣ и раненному товарищу артерію вовсе не мудрое дѣло».

«Не видя существенной надобности посылать врачей въ огонь, я вижу,—говоритъ Пироговъ,—вредъ, и не только матеріальный, но и нравственный. Прусскіе врачи, особливо молодые, прониклись уже воинственнымъ духомъ: они сами неудержимо стремятся идти въ огонь, желая отличиться и украшать грудь желѣзнымъ крестомъ, а при такомъ стремленіи врядъ-ли пріятно оставаться долгое время при перевязочныхъ пунктахъ и подвижныхъ лазаретахъ», и въ результатъ: «раненыя не получили своевременной помощи ни на полѣ сраженія, ни на перевязочныхъ пунктахъ, гдѣ они, по недостатку врачей, должны были еще ждать цѣлые дни, оставаясь въ незавидномъ положеніи».

«Дѣйствія врачей въ батальонномъ огнѣ есть не нужная растрата силъ и умственного капитала».

Извлекая изъ своихъ наблюдений во время франко-прусской войны урокъ для Россіи, Пироговъ прежде всего указываетъ на необходимость для облегченія участи раненыхъ «принять всѣ мѣры для скорѣйшаго удаленія раненныхъ изъ-подъ убійственного огня и съ поля битвы,» въ каковыхъ цѣляхъ считаетъ первымъ дѣломъ—значительное увеличеніе числа обученныхъ носильщиковъ, и для той-же цѣли—«войти въ сношенія съ Обществами частной помощи для содѣйствія правильной организаціи санитарной прислуги».

Въ избѣжаніе скопленія раненыхъ на не безопасныхъ отъ огня перевязочныхъ пунктахъ необходимо, при условіи «большой самостоятельности военно-медицинскаго вѣдомства», чтобы «всѣ военные врачи дѣйствующіихъ полковъ и батальоновъ не уходили съ войсками въ

огонь, а собирались бы заблаговременно на перевязочныхъ пунктахъ и въ ближайшихъ подвижныхъ госпиталяхъ».

Придавая огромное значеніе частной помощи на войнѣ, Пироговъ отводитъ много мѣста въ своемъ „Отчетѣ“ и этому вопросу, и прежде всего—какъ регулировать отношенія частной помощи къ администраціи, вахоти этотъ вопросъ трудно разрѣшимымъ. Пироговъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „частная помощь должна дѣйствовать, покуда не установятся правильныя взаимныя отношенія путемъ опыта, и въ военное и въ мирное время, сама по себѣ, и администрація сама по себѣ, сколько можно независимо одна отъ другой. Излишняя зависимость убьетъ, на первыхъ же порахъ, частную помощь“.

Но что-бы сами Общества частной помощи могли широко развивать свою дѣятельность и привлекать къ себѣ пожертвованія, необходимо, чтобы „образованные и достаточные классы все болѣе и болѣе убѣждались въ практической-полезной дѣятельности Обществъ частной помощи въ мирное время“.

„Вопросъ: чѣмъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ (нынѣ—Общество Краснаго Креста) должны заниматься, когда нѣтъ войны?—высказываетъ Пироговъ,—не совсѣмъ еще рѣшенъ и за-границей. „Намъ, русскимъ, — говоритъ Пироговъ,—не для чего искать далеко занятій въ мирное время для нашихъ Обществъ попеченія; у насъ представляется на каждомъ шагу случай оказывать помощь и больнымъ и раненымъ. Эпидеміи господствуютъ въ Россіи постоянно то здѣсь, то тамъ; оспопрививаніе—въ застоѣ; заразительныя и прилипчивыя болѣзни распространены въ дѣлхъ селеніяхъ; въ нашихъ лазаретахъ нѣтъ санитарной прислуги, въ селахъ и мѣстечкахъ нѣтъ и никакихъ лазаретовъ,—словомъ, поле дѣятельности не ограниченное: стоитъ только выбирать“. И вотъ Пироговъ въ 1870 г. совѣтуетъ Обществу попеченія о больныхъ и раненыхъ, нынѣ—Обществу Краснаго Креста, какъ можно скорѣе вступить на путь практической дѣятельности. Учреждая собственные лазареты въ имперіи, организуя общины сестеръ и школы санитарной прислуги, заимствуя на первое время врачей и призрѣвая въ своихъ лазаретахъ больныхъ различныхъ вѣдомствъ, рассылая делегатовъ для пропаганды (идеи частной помощи) и сбора пожертвованій, Общества (Краснаго Креста) неминуемо войдутъ въ сношенія съ администраціей и земствами, и постепенно, путемъ опыта и логикой фактовъ, успѣютъ—Богъ дастъ—еще до войны завоевать себѣ всеобщее сочувствіе и уваженіе, при сохраненіи своей самостоятельности. А когда

наступить война, то она не застанет их врасплох, а найдет готовыми выступить на трудное поприще съ собственными силами, окрѣпшими и организовавшимися подъ сѣнью мира!"

Закончивъ дѣло и избранный, въ благодарность за его трудъ, почетнымъ членомъ Общества Краснаго Креста 5 декабря 1870 г., Н. И. Пироговъ снова и на много лѣтъ уединился въ свое имѣнье, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и ежедневнымъ приѣмомъ больныхъ.

Врачебную практику Пироговъ никогда не прекращалъ, даже будучи Попечителемъ округа, находя для помощи страждущимъ и время и силы.

Л. Добровъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ:

«Въ извѣстные часы квартира Пирогова—въ Одессѣ—биткомъ набита была народомъ, въ средѣ котораго хорошо одѣтые составляли весьма слабый элементъ.—Въ дверяхъ кабинета происходила страшная давка, шумъ и прямо борьба въ буквальномъ смыслѣ слова. Пріемы не прекращались даже въ жаркую, лѣтнюю пору, когда Н. И. пріѣзжалъ два раза въ недѣлю специально для этого въ городъ изъ одной приморской немецкой колоніи. «Кто бывалъ въ эти приемные дни,—разсказываетъ Добровъ,—не могъ не дивиться крѣпости нервовъ знаменитаго хирурга. Почти банная жара, воздухъ удушливый, пропитанный испареніями грязныхъ, больныхъ тѣлъ и прохваченный жгучимъ, ѣдкимъ запахомъ чеснока. Нужно было много стоицизма и любви къ ближнему, чтобы выдержать нѣсколько часовъ такого самоистязанія». А плата—20 коп. за визитъ!—Не стѣснялись идти къ врачу-попечителю округа Пирогову,—къ великому удивленію гимназическаго начальства,—и гимназисты съ своими болѣзнями и даже «секретными».

М. Чалый въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ:

«Два дня въ недѣлю, опредѣленные имъ для приема больныхъ, отъ 8 час. утра до 8 час. вечера, были посвящены безплатной прак-

Садъ около дома былъ любимымъ мѣстомъ Николая Ивановича; онъ постоянно копался въ немъ. Своимъ виноградомъ Пироговъ угощалъ рѣдкаго гостя—Императора Александра II, который по пути на театръ войны съ Турціей заѣзжалъ къ Пирогову въ его «Вишни». Въ этомъ своемъ любимомъ саду Н. И. Пироговъ хотѣлъ и быть похороненнымъ, но не рѣшился на это: «А если кто купитъ имѣнье, что тогда дѣлать съ тѣломъ?»

тикѣ. Обширное еписѣе первой гимназiи — въ Кiевѣ (въ помѣщенiи которой была квартира попечителя) въ эти два дня было переполнено евреями всѣхъ возрастовъ и половъ. Слѣпые, хромые, изувѣченные и разслабленные—всѣ обращались къ знаменитому врачу и всѣмъ имъ, безъ различiя званiя и состоянiя, были оказываемы, смотря по болѣзни, болѣе или менѣе продолжительный осмотръ. Намъ не разъ приходило въ голову: обѣдалъ-ли Николай Ивановичъ въ эти дни, и мы дивились, какая необыкновенная сила воли и энергiи нужна была человѣку для такого самоотверженнаго подвига. Сколько христіанскаго милосердiя и любви вмѣстала въ себѣ эта великая душа, заключенная въ такомъ невзрачномъ тѣлѣ!

Въ своемъ имѣнiи Пироговъ все время занятъ былъ огромной практикой, ежедневно принималъ амбулаторныхъ больныхъ, прiѣзжавшихъ со всѣхъ сторонъ и изъ отдаленныхъ мѣстъ, чтобы найти исцѣленiе разныхъ своихъ недуговъ, преимущественно хирургическихъ, у хирурга, имя котораго извѣстно было всей Россiи.

Пироговъ имѣлъ въ своемъ имѣнiи нѣсколько мазанокъ и домиковъ, которые прежде были корчмами. Теперь онъ перестроилъ ихъ въ лазаретныя отдѣленiя и отдавалъ въ наймы прiѣзжимъ больнымъ.

Кромѣ амбулаторiи Пироговъ имѣлъ въ своемъ имѣнiи также и постоянный лазаретъ, въ который онъ принималъ тѣхъ, которымъ онъ дѣлалъ операцiи и которые вообще требовали болѣе продолжительнаго леченiя. Не надолго выѣзжалъ Н. И. Пироговъ, приглашаемый на консультацiи къ трудно-больнымъ, даже и за предѣлы Подольской губернiи, не смотря на свое уже слабое здоровье и преклонный возрастъ.

Прежде не придававшiй цѣнности деньгамъ, самъ не рѣдко раздававшiй деньги больнымъ, Пироговъ подъ глубокую старость и подъ влиянiемъ окружающихъ, нѣсколько измѣнилъ свое отношенiе къ оплатѣ враческаго труда; онъ сталъ разсчетливъ и иногда даже регулировалъ стоимость прiема, лѣченiя и подъ; но бѣдность, по прежнему, находила у Николая Ивановича даровое леченiе.

Интеллигентныхъ помощниковъ у Пирогова въ его имѣнiи не было и потому возможны были случаи грубой эксплуатацiи больныхъ деревенскими сотрудниками Пирогова, о чемъ онъ, вѣроятно, и не зналъ.

Высокій медицинскiй авторитетъ Пирогова не разъ направлялъ къ нему за совѣтомъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и общественыя организацiи.

Медицинская комиссия Полтавскаго губернскаго земства, издавъ свои „Груды“ по организаціи земской медицины, обратившаяся къ Николаю Ивановичу за отзывомъ объ этихъ трудахъ, получила отъ него поучительный и полный живѣйшаго интереса отвѣтъ:

При „постоянной земской врачебной комиссіи,—полагаю, что существуетъ уже, вѣрно, и постоянная продовольственная комиссія. Это потому, что привыкъ, наученный опытомъ, спрашивать у приходящихъ ко мнѣ ежедневно крестьянъ за совѣтомъ: есть-ли у нихъ хлѣбъ, чтобы лечиться. Этимъ вопросомъ необходимо задаваться каждому сельскому врачу и въ хлѣбородныхъ губерніяхъ; также, полагаю, необходима для плодотворныхъ дѣйствій санитарной комиссіи и постоянная дѣятельность продовольственной. Въ множествѣ случаевъ для нашихъ больныхъ *поселянъ молоко и мясо, а иногда и хороший хлѣбъ—лекарства, безъ которыхъ аптечки снабдѣны мало даютъ надежды на успѣхъ.* Во вторыхъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, высказаннымъ мною уже не разъ во всеуслышаніе, я не вѣрю въ дѣйствіе медицины самой по себѣ на уменьшеніе смертности массъ, особливо въ повальныхъ болѣзняхъ. Будущее общественной медицины въ рукахъ государственной и научной медицины, а не врачебной техники. Только идя объ руку съ раціональными государственными распоряженіями во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и просвѣщенія, медицина можетъ содѣйствовать къ уменьшенію распространенія и къ предотвращенію болѣзней, и тогда этимъ косвеннымъ путемъ, а не леченіемъ, можетъ содѣйствовать, наконецъ, и къ уменьшенію смертности массъ“.

Черезъ 7 лѣтъ опять вспомнили о Пироговѣ. Въ 1877 г. началась наша война съ Турціей и Общество Краснаго Креста снова дало знаменитому хирургу порученіе „осмотрѣть всѣ наши санитарныя учрежденія на театрѣ войны и въ тылу дѣйствующей арміи, а равно и средства транспорта больныхъ и раненныхъ по грунтовымъ и желѣзнымъ дорогамъ“.

Не смотря на свой преклонный возрастъ—Пирогову было уже 67 лѣтъ—онъ охотно отправился на театръ военныхъ дѣйствій и въ теченіе 6 мѣсяцевъ—осени и зимы 1877—1878 г.г.—Пироговъ проявилъ неустанную и плодотворную дѣятельность: онъ объѣхалъ всѣ главныя пункты на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи и въ тылу арміи—въ Румыніи и южной Россіи, съ юношеской энергіей осматривая и вникая во все и всюду!

И «великій старецъ» бодро переносилъ то, что и молодыхъ утомляло, неудобства кампаніи въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Болгарія, въ

зимнее время и дурную погоду, при непроходимыхъ грунтовыхъ дорогахъ!»

Собравный имъ огромный матеріалъ статистическихъ и научныхъ данныхъ, свои наблюденія и мнѣнія Пироговъ изложилъ въ обширномъ, двухтомномъ сочиненіи: *„Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 годахъ“* (Спб., 1879 г.).

Въ I томѣ Пироговъ разбираетъ различные санитарно-полевые и военные вопросы: онъ доказываетъ „необходимость въ подвижныхъ и импровизированныхъ помѣщеніяхъ на театрахъ нашихъ войнъ, излагаетъ тяжелый механизмъ формировація нашихъ военновременныхъ госпиталей и вопіюще недостатки этихъ учрежденій, составляющихъ альфу и омегу нашего санитарнаго дѣла на театрѣ войны,—указываетъ на важность для военно-врачебныхъ администраторовъ статистики убыли въ битвахъ и отношенія числа санитарнаго персонала къ числу госпитальныхъ мѣстъ и къ численности всей арміи,—обсуждаетъ главныя начала системы эвакуаціи происходившей войны, и предлагаетъ планъ эвакуаціи, казавшійся ему наиболее рациональнымъ,—обсуждаетъ и основныя начала нашей частной помощи на войнѣ и отношенія этой помощи къ военноврачебному вѣдомству, откровенно излагая „крупныя пробѣлы въ дѣлѣ частной помощи“.

Во II томѣ Пироговъ изложилъ свои взгляды на „хирургическое врачебное дѣло въ послѣдней турецкой войнѣ и представилъ „статистическіе результаты хода и леченія различныхъ огнестрѣльныхъ поврежденій“.

Много мы видимъ въ этихъ „томахъ“ интереснаго и поучительнаго и для насъ.

Особенно интересуются Н. И. Пироговъ частной помощью на войнѣ. „Всякая помощь,—говоритъ онъ,—какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны Общества Краснаго Креста должна быть равномерной и распределена по справедливости между всѣми, какъ ранеными, такъ и больными, имѣющими одинаковое право на помощь“.

Говоря объ отношеніи частной помощи къ администраціи, Пироговъ задаетъ и теперь жгучій вопросъ: «почему частная помощь ревниво старается сохранить при себѣ право распоряженія собранными ею средствами, а не передать ихъ всецѣло въ распоряженіе общей администраціи? Есть-ли это выраженіе недовѣрія или же только желаніе участвовать собственными силами въ дѣлѣ помощи? Откровенно говоря, я полагаю, высказываетъ Н. И. Пироговъ, что то и другое. А если такъ,

то понятно и то, почему въ дѣйствіяхъ частной помощи, — особенно, когда общество взволновано необычайными событіями, — проявляется антагонизмъ съ администраціею. Тутъ есть всего поспешно: и стремленія къ общему благу, и человѣколюбія, и соревнованія, и недоверія, гоньбы за популярностью и личнаго самолюбія. Понятно, что при такой смѣнѣ стремленій и мотивовъ общес дѣло, невольно и незамѣтно, можетъ ускользнуть изъ виду; проявляется и борьба и гонка за эффектомъ. Это и бываетъ, рано или поздно, неминуемымъ слѣдствіемъ того взгляда на частную помощь, по которому она вступаетъ на сцену въ видѣ контролера и антагониста администраціи».

«По другому, болѣе скромному и спокойному взгляду на значеніе частной помощи въ военное время, она должна быть всегда готовой исполнять пробѣлы, и временные и мѣстные дефициты военной администраціи, — неизбежныя при тяжеломъ и медленномъ ходѣ ея механизма. Если позволено сравнить военно-врачебную администрацію, по сложности и медленности ея механизма, въ военное время, съ тяжелой артиллеріею, то частную помощь, при этомъ взглядѣ на ея значеніе, можно было-бы сравнить съ легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ, являющимся вездѣ, во время на помощь».

По мнѣнію Н. И. Пирогова, „частная помощь должна быть, во время войны, надежной и вѣрной сподручицею общей администраціи. Это не значитъ, однако же, — замѣчаетъ Пироговъ, — чтобы частная помощь должна утратить свою самостоятельность и свое самоуправленіе. Частная помощь должна всегда оставаться чувствительною къ сохраненію своей самостоятельности. Никогда, никто, добровольно и охотно, не откажется въ дѣлѣ частной помощи отъ приложенія собственныхъ силъ и личнаго участія. Сохраненіе самостоятельности для частной помощи есть вопросъ жизни“. „Частная помощь не должна входить, во время войны, ни въ какія обязательства съ военнымъ вѣдомствомъ, такъ-какъ это стѣснительно для механизма ея дѣятельности и ограничиваетъ ея подвижность“.

Съ другой стороны, „частная помощь не должна конкурировать съ военнымъ вѣдомствомъ и слишкомъ отличатся, въ содержаніи больныхъ и раненыхъ, отъ принятой этимъ вѣдомствомъ норми“.

Здѣсь имѣются въ виду предметы баловства и роскоши для больныхъ, пользуемыхъ частной помощью: тонкое бѣлье, конфеты, дорогія вина и под.

Всякая роскошь и излишество въ обстановкѣ и качествѣ средствъ, бьющія на эффектное отличіе отъ средствъ военного вѣдомства, долж-

ны быть изгнаны изъ круга дѣйствій частной помощи, какъ вредно отзывающіяся на солдатахъ.

Съ переходомъ больныхъ или раненыхъ въ военный госпиталь, они поступаютъ на казенное, сравнительно скромное содержаніе, что вызываетъ у приученныхъ къ изысканному содержанию частной помощи солдатъ недовольство, которое иногда доходитъ въ военныхъ госпиталяхъ до того, что дѣлается необходимою расправа за нарушеніе дисциплины». «Не нужно забывать, говоритъ Пироговъ, что съ массами людей, и больныхъ и здоровыхъ, нужно обращаться осторожно, если хотимъ избѣгать вредныхъ послѣдствій. Эти массы весьма чувствительны къ неравномѣрному распредѣленію пособій», слѣдствіемъ котораго бывають «ропотъ, затасное недовольство и даже нарушеніе порядка».

Пироговъ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что-бы «частная помощь въ госпиталяхъ не была слишкомъ щедрой въ началѣ войны».

Склады Общества Краснаго Креста, вблизи театра войны, должны быть снабжены только самыми необходимыми для пособія больнымъ и раненымъ предметами, расходowanіе которыхъ должно быть регулировано.

Врачи Краснаго Креста должны имѣть одного главнаго медицинскаго представителя предъ Обществомъ Краснаго Креста и военнымъ вѣдомствомъ.

Завѣдываніе въ военное время санитарными учрежденіями Краснаго Креста, какъ-то: лазаретами, этапами, санитарными отрядами и поѣздами, должно быть поручаемо, по преимуществу, врачамъ, заслужившимъ уже это довѣріе на дѣлѣ¹⁾.

О женскомъ санитарномъ персоналѣ на войнѣ и въ частности въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Н. И. Пироговъ говоритъ слѣдующее:

«Женскій санитарный персоналъ выступилъ у насъ впервые въ большихъ размѣрахъ на театрѣ войны и поэтому требуетъ новой оцѣнки. Въ прошлую, крымскую кампанію принимали только три или четыре частныя женскія лица участіе въ оказаніи помощи; всѣ-же другія принадлежали къ учрежденной тогда Крестовоздвиженской Общинѣ

¹⁾ Приказомъ по Военному вѣдомству 1887 г. № 114, завѣдываніе лазаретами и госпиталями военного времени всецѣло предоставлено старшимъ и главнымъ врачамъ ихъ; а приездами по военному вѣдомству 1910 г. № 432 и 1912 г. № 45 тоже установлено и для мирнаго времени.—*Двт.*

и къ давнишнему Обществу сердобольныхъ вдовъ; и тѣ и другія обязаны были носить особенные знаки (кресты на шеѣ, на лентахъ извѣстныхъ цвѣтовъ) и особенный костюмъ, и руководствоваться данными имъ инструкціями подъ надзоромъ начальницъ и старшихъ сестеръ».

«Въ нынѣшнюю-же войну мы видимъ уже нѣсколько прежде организованныхъ общинъ и значительное число добровольныхъ лицъ женскаго пола, оказывавшихъ пособіе только эгидою Краснаго Креста. Сверхъ того, дѣйствовали и добровольцы, принятыя Обществомъ Краснаго Креста по найму. Это стеченіе лицъ, не принадлежавшихъ до войны ни къ какимъ организованнымъ обществамъ, дѣйствовавшимъ на театрѣ войны съ организованными уже общинами, сообщали частной помощи, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно особенный характеръ. Такъ, всѣ особы женскаго пола въ нынѣшнюю войну, оказывавшія пособія больнымъ и раненымъ, носили названіе сестеръ или сестрицъ, и изъ нихъ добровольныя, существенно, ничѣмъ не были отличены отъ тѣхъ, которыя принадлежали къ организованнымъ Общинамъ. На войнѣ, безъ сомнѣнія, всякая помощь и всѣ руки дороги, а женская помощь и женскій уходъ за ранеными и больными неопѣненны. Это все вещи безспорныя. Но я полагаю, говорить Пироговъ, что для управленій частной помощи, и главныхъ ея дѣятелей на театрѣ войны, не должны быть безразличны отношенія къ санитарному дѣлу настоящихъ общинныхъ сестеръ, въ сравненіи съ дѣятельностью добровольныхъ, вступившихъ въ неизвѣстное имъ поприще, только во время войны, и по окончаніи ея снова возвращающихся въ прежнюю жизнь».

«Хотя изни Общины сестеръ, по духу учрежденій, совершенно отличны отъ сестеръ милосердія въ католическихъ странахъ и отъ протестантскихъ діакониссъ, такъ-какъ наши общины не имѣютъ чисто религіознаго характера; но весь строй нашихъ Общинъ, все таки, имѣетъ серьезное и положительное призваніе, и отношенія ихъ къ обществу и Правительству опредѣлены извѣстнымъ образомъ. По этому слѣдовало бы нашихъ общинныхъ сестеръ и въ такое чрезвычайное время, т. е. во время войны, поставить выше и отличнѣе отъ добровольныхъ сестеръ. И, сверхъ того, многія изъ общинныхъ сестеръ личности—уже испытанныя въ дѣлѣ падавія помощи и заслужившія продолжительнымъ и равностнымъ служаніемъ общее довѣріе, а нѣкоторыя изъ нихъ и высокоуважаемыя особы, по своимъ заслугамъ и нравственнымъ качествамъ».

«Добровольныя же, только на время войны принятыя, лица женскаго пола, какъ бы ихъ дѣятельность въ оказаніи помощи на войнѣ ни была высоко цѣнима, все еще должны заслужить себѣ имя насто-

ящихъ сестеръ милосердія. Выборъ такихъ личностей—добровольныхъ сестеръ, во время войны, по справедливости, не можетъ быть требователенъ; поэтому всегда престоить возможность, что избранныя не будутъ имѣть цѣлью искреннее служеніе дѣлу помощи и даже можетъ случиться, что выборъ падеть на личности не вполне нравственныя. Все это можетъ повредить, впоследствии, дѣлу частной помощи. Молодость и красивая наружность особъ женскаго пола понимаются большею частью военныхъ людей въ лагерѣ односторонне и своеобразно,—и такой взглядъ, съ неприличной дѣлу помощи стороны, можетъ, современемъ, подорвать его нравственныя основы и достоинства. Хотя при скопленіи раненыхъ и больныхъ на театрѣ войны, имѣть надобности въ чистотѣ нравственныхъ свойствъ и безукоризненномъ поведеніи женщинъ, подающихъ помощь,—есть примѣры истиннаго самоотверженія при уходѣ за больными особъ самаго легкаго поведенія,—но для Общества Краснаго Креста, какъ организованнаго учрежденія частной помощи, небезразлично имѣть въ своемъ распоряженіи однѣ только руки, безъ нравственныхъ качествъ. Это могло-бы потрясти его главную основу; поэтому при выборѣ добровольныхъ сестеръ для частной помощи не худо имѣть въ виду тотъ своеобразный взглядъ военныхъ людей на женскую личность и стараться оградить репутацію частной помощи отъ нареканій и скандаловъ. Выборъ добровольныхъ сестеръ долженъ быть порученъ опытнымъ и искусившимся въ этомъ дѣлѣ лицамъ и, безъ сомнѣнія, преимущественно, старшимъ сестрамъ общины, приобрѣвшимъ всеобщее уваженіе и извѣстнымъ своими нравственными качествами».

«Вообще можно заявить, замѣчаетъ Пироговъ, что старшія сестры, прежде еще не бывавшія на театрѣ войны, оказались въ нынѣшнюю войну (30 лѣтъ назадъ) вполне достойными своего призванія. Дѣятельность и ревность въ дѣлѣ помощи такихъ личностей, какъ княжна Дундукова-Корсакова, Сабина, княжна Шаховская и другія, заслужили, безспорно, общую признательность. Но мнѣ казалось,—говоритъ Пироговъ,—что въ нынѣшнюю войну выборъ, такъ называемыхъ, добровольныхъ сестеръ и надзоръ за ними не были вполне безупречными, и я боюсь, что бы это обстоятельство не повліяло вредно въ будущемъ на дѣло женской помощи во время войны».

«И еще одно обстоятельство показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, именно, что положеніе добровольныхъ сестеръ было, по внѣшней обстановкѣ, какъ-то эффекнтнѣе, сравнительно съ положеніемъ общинныхъ сестеръ», въ отношеніи помѣщеній, труда и т. д.

«Я полагаю,—говоритъ Н. И. Пироговъ,—что не слѣдовало бы именовать сестрами особъ, предложившихъ себя для дѣла женской помощи

на войнѣ (какъ и добровольныхъ фельдшерницъ и студентокъ) и ставить ихъ въ уровень съ общинными сестрами».

«Организованныя еще до войны Общины сестеръ милосердія должны быть отличены, въ своемъ положеніи, отъ временныхъ общинъ частной помощи — изъ добровольныхъ «сестеръ». Организованныя Общины должны пользоваться правами контроля надъ прочими».

«Только особы, принадлежащія къ организованнымъ до войны общинамъ, пользуются именемъ сестеръ».

По мнѣнію Н. И. Пирогова, «учрежденіе военнымъ вѣдомствомъ и частной помощью санитарныхъ командъ, въ мирное время, при госпиталяхъ, подъ надзоромъ врачей и сестеръ, составляетъ вопіющую необходимость нашего времени».

Во II томѣ «Военно-врачебнаго дѣла»... Пироговъ еще разъ подтверждаетъ «основныя начала» своей «полевой хирургіи»:

- 1) Война, — это травматическая эпидемія.
- 2) Не медицина, а администрація играетъ главную роль въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ на театрѣ войны.
- 3) Не операціи, спѣшно произведенныя, а правильно организованный уходъ за ранеными и сберегательное (консервативное) леченіе, въ самомъ широкомъ размѣрѣ, должны быть главной цѣлью хирургической и административной дѣятельности на театрѣ войны.
- 4) Беспорядочное скопленіе раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ есть самое главное зло, причиняющее въ послѣдствіи ни чѣмъ не поправимыя бѣдствія и увеличивающее въ мѣрно число жертвъ войны; по этому главная задача полевыхъ врачей и администраторовъ должна состоять въ предупрежденіи этого скопленія въ самомъ началѣ войны.
- 5) Разсѣяніе раненныхъ и больныхъ, вентиляція помѣщеній, въ обширныхъ размѣрахъ, а всего болѣе отдѣльное размѣщеніе трудно-раненыхъ, составляютъ наиболѣе вѣрныя средства противъ распространенія травматическихъ заразы.
- 6) Хорошо организованная сортировка раненныхъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ военно-временныхъ госпиталяхъ есть главное средство для оказанія правильной помощи и въ предупрежденіи безпомощности и вредной по своимъ послѣдствіямъ неурядицы.
- 7) Спѣшное извлеченіе пуль и спѣшное производство первичныхъ операцій на передовыхъ и даже главныхъ перевязочныхъ пунктахъ, вовсе не есть такое существенное пособіе, какъ это полагали въ прежнее время, и жизненное показаніе къ производству этихъ операцій ограничивается, въ нынѣшнихъ полевыхъ войнахъ, незначительнымъ числомъ случаевъ. Только осадныя войны составляютъ исключенія изъ этого правила.

8) Исслѣдованіе свѣжихъ огнестрѣльныхъ ранъ зондами и пальцами, расширеніе ихъ пожегъ, извлеченіе первичныхъ осколковъ костей, вообще вредно; все это можетъ быть допущено только въ исключительныхъ случаяхъ и только подъ наблюденіемъ опытныхъ хирурговъ.

9) Наложеніе неподвижныхъ и преимущественно гипсовыхъ повязокъ, въ несравненно большей части случаевъ, должно замѣнить производствомъ первичныхъ операцій (ампутацій) на перевязочныхъ пунктахъ. Всѣ раненные съ огнестрѣльными переломами костей не должны быть иначе транспортированы, какъ съ наложенными хорошо гипсовыми повязками.

10) Анестезированіе играетъ самую важную роль при оказаніи хирургическихъ пособій въ полевой практикѣ: не только операція, но во многихъ случаяхъ и наложеніе гипсовыхъ повязокъ должно производиться при дѣйствіи анестезирующихъ средствъ.

11) Частная помощь, испытанная мною первымъ на театрѣ войны уже 25 лѣтъ тому назадъ, должна быть признана за самое важное самостоятельное подспорье въ полевомъ санитарномъ дѣлѣ.

Въ подтвержденіе основныхъ началъ своей полевой хирургіи Н. И. Пироговъ проводитъ массу собственныхъ наблюденій и статистическихъ данныхъ изъ русско-турецкой войны и разныхъ прежнихъ войнъ 1854—1871 г.г.

Наблюденія и взгляды Н. И. Пирогова, изложенные въ только что реферированной его книгѣ „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 годовъ“, сослужили свою службу въ нашу послѣднюю русско-японскую войну.

Эта замѣчательная книга была послѣдней научной медицинской работой Н. И. Пирогова, лебединой пѣсней великаго русскаго врача, незамѣнимаго знатока военно-полевой хирургіи и всего военно-врачебнаго и санитарнаго дѣла на войнѣ.

„Собственно говоря, замѣчаетъ проф. В. И. Разумовскій, трудно найти вопросъ въ военно-полевой хирургіи, съ которымъ такъ или иначе не связано было-бы имя Н. И. Пирогова. Въ особенности же велики заслуги его въ вопросахъ организаціи военно-санитарнаго дѣла.

Другой профессоръ-хирургъ Л. Л. Левшинъ говоритъ:

„Сочиненія Пирогова представляются столь авторитетными, что пока будутъ вестись войны и пока будутъ писать трактаты о военной хирургіи и военно-врачебномъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ ни одному автору нельзя будетъ обойтись безъ сочиненій Пирогова. Смѣло можно сказать, говоритъ проф. Левшинъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ равнаго Пирогову въ мірѣ!“

(Продолженіе слѣдуетъ).